

Эдуард Лимонов

СТЕХОТВОРЕНИЯ ИЗ "6-ГО СБОРНИКА"

Словно тихая ветвь прочертила
и в памяти поэно склонилась
винсальмизская поляна с вросшим деревом
как следы милого человека
на воде

Старый дощик
сложенный по прихоти судьбы

Сыплется солнце
Кружевная блузка повисла на одном плече

Весело наклонившаяся поляна
отползает в сторону и показывает ижеий вид

Где отполированные ярем. горные ухасы
и строгие туманы
достигает поднятых волос дыбом

Эффект усиливается рычанием диких зверей
и свободолюбивых тигров

Кожноногие охотники грубо напевая
путешествуют за мясом
Дева сидит у окна и полна ожиданьем
у нее подрагивают мягкие части
Далеко впереди зверь-лягушка
поет прохладную песню
и тут в коляске подъезжает гость

Гость полон добрых чувств и неудачных планов
он легскрня и его сопровождает мухлан
Гость выделяется на фоне мухлана
и оказывается забитым родственником
Он и детана поселяются в доме
ходят к небольшому водопаду за водой
Ех редко видит кожаные кресла
но зато часто светлые цветы

Бывает что он тайно молчит
и тогда она придумывает надежды
Тая в себе одна и другая личность
даст спектакль

Махровая музыка махровые цветы
Глухой садовник-памятник прошлому времени
На сердце все время хлопоты. Редкие дожди
все обостряют. Ее платья отличаются необузданной
фантазией, она рвет их пролезая через
кусты,

В самом деле что таинственнее и краше
чем июль переходящий в август

Когда пойдешь к старым деревьям и
маленький виноградник зацепит взор
так и будешь вспоминать страдая
господнее горе. божий стыд

так было. так будет однажды. кто решится
сказать что платья она не рвала. Эта
милая мордочка рвала их часто
хохотала смеялась смеялась... ушла...

Ряд вопросов задавая
он голодному окну
Прибирает разбивая
на ее и на ону

В честном теле стыд девичий
и незанятый росток
Странно небо-голос птичий
До здания чуть далек

Исконные рядом-
эти звезды и луна
С безнадежно детским взглядом
путешествует она

Путешественница милая!
ничего ты не исследуй
Сонная беседа хилая
Обещанье быть и обеду
Что с зучками что в коробочке
О заплатах пустыни!
Прилипают ветер в ребочке
к одеяниям богини
Лет одиннадцать и страшная
За нее всегда тоска
Сверху гладит рукопашная
солнца жаркая рука
Негодуют лопухайчики
плавно дерзает павлин
Как она пронесет пальчики
Наблюдая я один

Тихая луна повзрела. Наступил оркестр
и двенадцатый час
Все бьет-все ходит. Ничто не остановилось
Речь идет о чувствах и луна
Сивость кусты пробирается. Пробиралась трещит
и видит. Благоухает. Видны листья
О синие травы
о хрустящие травы
о сочное выполнение пейзажа
грустные ботинки
слезы покинутого. он увидел покинутую-
лежит под деревом. ее обнимают
ты светись-прошлое время
Лезарбор. Ветви и сучья лезарбор
Мелестят. щелкают. навешают судьбу.
Расходится.

и я согрет-увидела серая птичка
оттиски и меня на лице твоём-
полночь!

уловил мой дикий вопрек в коробку
Замер.

прислушивается

ладная музыка августа

тридцатилетняя полная моя

до свидания до свидания мыльные

никогда больше никогда

больше никогда никогда никогда

Тихая тоскливая музыка наполняет мой дом

послеобеденная сонная музыка

сытая музыка мне противна

Я одираю эту музыку со стен моего дома

Прочь! сытая музыка

я не хочу проспать свою жизнь

тут же распахивается небо

выходит солнце

деревья становятся в позы для танца

О наконец столкнулись группы!

и все танцует под мой голодный рассудок

бегут ручьи

брезжит мировоззрение

все олицетворяет

Со своего пригорка мальчик поднесет

соединил журчание воды ручья и ветки деревьев

в единое варено одноутробной жизни

и темная пещера

которая вырабатывает страх и любопытство

служит татарским охотником средством для

размышлений

а подпасок уединяется вынужденно
на весь день...

В первом часу шумят ветры. Но не остужают
горячую голову.

Никакого приюта для литератора. специальный
интерес для босых ног. сюда не заглядывают
с бумагой. Трепетание извращения на природе
одолевают деревенских. Диск солнца бессозна-
тельно повергает их на выдумки.

Пространство опровергнутое глазами. закрыто
горой. закрыто холмом. виноградные листья
и пот между ног — все соединилось в причудли-
вый анализ. И если бы даже приехал грек
жареное тело не сошло бы с места

Здесь натуралист может наблюдать стеченье
обстоятельств. каждая минута слишком долго
сидит на крыльях черного индюка. там
и оям разбросанная античность

напоминает что все еще может вернуться
и коротконогие Сократы вполне возможны
увеличительное стекло забытое на камне
стремится обрасти травой
и убежать в природу

но цепкая длиннохвостая рука ученого
плотоядно изогнувшись
вспоминает
и стекло подаренное подпаску
уже прожигает штаны

Ах а дальше в волнистых кудрях природы
Все Иваны Иваны Иваны
и драмы и романы

покают землю или сидят опустив руки
вспоминает Петра Первого
да кого угодно

с блудливой улыбкой Екатерину...
и нежно радуется тот кто еще жив

Владная русская роща
Гуляет рабочий. студент
Солнце лишь только выйдет
Спрячется в тот же момент

На побережье речки-
скушно. И хвоя...хвоя
Нет ни одной овечки
Нет пастуха героя

Куда-то ушли пастухи
Старенькая трава
Лыбля их ножки узки
Да еле она жива

К беспозвоночному тренью
птиц о листву
Прислушайся бедной тенью
А я тебя назову

Тебя назову героиней
с пальцев печаль стечет
Вон какой нежный синий
У нашей реки поворот

Так через десять лет
Горько заглянем в спины
Времени больше нет
Тихо. тепло мой свет
Я тебя не покину
Осень. Я бедно одет
Мне почти тридцать лет
Я тебя не покину

Со мной говорила исподволь
оскорбленная рожа
и ты! и ты!
мое греческое предместье
и сушеных геричих бобов
и фасоли фасоли фасоли
и рыбы
словно запах
и перца ладони
и земное с желудком
известное сизой гречанки
Афинянки подлой
гетеры
чесноком и бобами
и стойлом уже деревянным
вампирское солнце
задыхаясь на деревянных ребрах
нам камней посчитало с тобой
о влажная в жаркой
Жуслиа кусала
Три зернышка старой пшеницы
упали на пол
Не такая тоска
чтоб в кустарнике белом кольцом
не такая еще

Это было когда уезжал
В Арзамас я тогда уезжал
Это было когда я не знал
Это было что я уезжал
В это утро в кровати дремал
только луч меня нежно ласкал
Засмеялся и все разломал
одеяло свое разломал
да я жалкий в кровати я спал

Дни же к осени были идти
Поры времени трудно найти
Благодатно плодов шиповника нагрести
Еще солнышко довольно в пути
и еще не бледнеет оно
так как будто оно полетно

И враги-то еще не живут
И не знает что я уже тут
это было когда еще зал
-моей памяти он отдыхал
-я тогда в Арзамас уезжал

С чемоданом свободный стоял
кто же лично меня провожал
А меня этот мой провожал
мой отец со мной рядом стоял
Он меня в Арзамас провожал

Я был им и экзамены сдал
На губе мой пух вырастал
моя тетуска мне все кивала
и к груди меня так прижимала
Я стеснялся. отец мне кивал
я из поезда тихо дрожал

А деревня! А крону их! - дни
моей нежности в мягкой тени
Уже тучи еще не на злой
Я уехал учиться- бог мой!
Я уехал где заль огонь
А Лимоновы стали одни

И семья всех Лимоновых села
Без меня и обедать велела
Каждый тих был и очень молчал
Сня уехал и брат возникал

А над крышей малкой возжала
Все звезда тихо-тихо стояла
Мой период героический настал

Арзамас впереди проступая
и громада учебного здания
а Лихоновы издали свидания
я был робок чувствителен был
А потом говорили — нахал
Ученик замечательным стал
Уж ему не придумать названия

Мухи летят и летят фразы
вечер продвигается но не весь сразу
Брат улыбается. тихо помидор ест
а сестра качается. а в сестре задор есть
А сестра поет песенку неведомую русскую
очень несчастливую — то широкую то узкую
Говорится в этой песенке настоящими словами
Как любил один одну и друг друга целовали
А вечер замедленно в России происходит
Брат поднимается и через дверь выходит
А сестра растрогана своим собственным пением
слеза покатилася. млеет с зрением
За ней другая катится. и мокрое пятно
Уже на белом платице. Да это все равно!
Ведь никто и не любит-то и городок маленький
и книжки все печальные. а в октябре — валенки

Другу

Будь милый так хорош
приди ко мне домой
Сведи на мне глаза
сиянием омой

Я тут один живу
и я покуда жив
то нечего сказать
что я волюнолюбив

Етак идет ко мне
он твердыми шагами
и ветер на спине
беседует с реками

И я его люблю
И я оттенком плача
свой завтрак я солю
желудок мой дурача

Он мерзлыми кулаком
ко мне стучится в стану
сейчас сейчас сейчас
отдвину и раздену

Бледно-алловый. растение-мнотый май с прожилками
и тихой работой корней
Подсказывает мне что меня не любят
и только катастрофически смежно
от земной заунывной жизни
где порой трубят в трубу на постели
И я просто новое желотное
касающееся соска

Ты вздрагиваешь. она вежливо вздрагивает

Как охотник в этом полусредневековом городе
Принюхиваясь и вставая
в больные отвечало наклонностям иероглифическое письмо
Да. как охотник. принюхиваясь и вясу
Барскими желаниями лоб обложив

Я стою среди водоема городских соблазнов
"И то хочу! И это хочу!"
и ничего не умаляло сознание "И то суэта! И это суэта!"
глупости. в белопольном простынном государстве
в середине дня обнаженные ноги
я любил тебя задыхаясь
Ты мое почтение. ты моя жизнь
...в белопольном простынном
съехались боже двое
середина дня и накручивает вверху бог
Маленькая!
светел твой лик. одна в народе
Тихий сонет кирпичам
и всему углу

Бодлеру служила мулатка
Как кладбище семенн они
И как выходящая лошадка
Гулять он ее выводил
Она в крикомные зирокон
там скрита разверстая пасть
Бодлер со слабейшим коком
Над всем над всеми -
о власть!

В нее твои губы входили
Восток! ненасытный Восток!
ковры задыхаясь бродили
сидел он часами у ног...

Мулатка навеки прикорнула
и вечно покоем Бодлер
В Париже на кончике стула
Другой эскер. внизу эскер
и крыши которые надо
Взять взять покорить покорить
и визжать испорченным взглядом
мулатку. и все повторить

Мальчик гонит пчелку
пчелка летит от него
В этом не видно толку
но и сквозит торжество
Дальше видна панорама
Дом с голубым окном
И молодая мама
с белым мечтательным носом
Кто вспоминает собаку
тот обо мне вздохнет
Но через всю аллею
бедный женский живот

Развевает ветер эпоху
и концы у шапки. бар. крестьянство
далеко уходит. сонным гнутся
черно-белый на востоке ветер
Дым пожаров. вьюсь и рубашка
дальше производство в генералы
Медленная старость. они в костюме
немцы убивали. дверь открыта
Пьет стрелявший. жизнь полна озиоба
Пьет. знакомится. уходит
Кинолента правильно покажет
и дорога утром вновь уводит
Большой город. первые понитки
Там и сям. в редакциях не примут
Голод. и опять самоубийство
мертвые чего-то там не имеют
влияние широка. дырявый вечер
в мастерскую дверь открыта
ты стоишь неслепая такая
пораженная и полужабыта

Эта спешка не моя и наша
пару нива. бублик. бублик в соли
Муж он называется панаша
А тебя при этом не тревожь
И проснулся. от жары проснулся
и увидел вечер
фонари горят. полно прохожих
а меня развлечь баднягу нечем

можно есть растения высушенная колос в муку
эти растения полезны
все племена мира они и едят зерно
о илсе другая речь

стада широкогрудых быков переходят реки
убойное мясо сочно плещется на траве
При закате сохица поплывавшая
Асв свехует зитилопу
и причмокивает при этом

Вивший солдат зарезав свиным закурим
и по телу еще ходят волины борьбы
Ето он спел восхитительную песнь о илсе
перемелая ее песней о зерне

туманные равнины по колено в воде
сильный рис испаряется в небо
вода многодневных лягушачьих стран
где люди очень мало стоят

и где тысячи военачальников дикими глазами
во все времена оглядывали степь
продолжительную степь
и борьба с золотыми песками центральной Азии
покрывала морщинами лбы китайцев
этих умных евреев Азии

Строя стену пели одну и ту же песнь
девять веков или десять веков

Я напевавший это себе под нос
отключившись от внешнего мира
и подравнував себя далеко
Бду на пароходе при легкой тоске и интеллигентности
ожидаю какой-нибудь зонтичной шляпки
короткая прелесть
и вот уже снова ты один

О Гродно! О Гродно! О Вильно Вильно!
О какой-нибудь город еще!

Обширные поля и равномерные деревни
поставляли России парней-солдат
и тем под звук барабана и иностранную организацию
марширует в долину русский полк

Захватили и Нахичевань углубляясь в горы
офицеры из высшего сословия
отглаженный морской флот

белые бороды-хрустальные квартиры
возникающая чепуха-мировые сны

если задаться почему Россия?
потому что... а не другая страна.
Обширные деревни, полей скаты склоны
голубоглазые неграмотные берут в войска
набравши полную фуражку земляники
спускается к Польше русский солдат

Тра-та-тата..... трагедия.
Беньке Андре- он- сидя на столе писал
Андре. вновь вновь карандаши
нет перья он дома

Вскочил. бежит. вина несет бокал
и горло запрокинул
чего хотел алкал
тогда того и кинул

он бросил ту-то
среди моря над скалами
тревожных дней убьет—
он властвует над нами—

Республики круша—
несомненный гений!
И стеблю палаша
не отрубить творений

Шенье. Андре. с больным открытым горлом
сидит. ведет как сумасшедший
но это все равно кого сюда приперло
и кто за короля а кто и не нашедший

Найдя великий силу зонг
и применение свое
Андре за короля! Шенье за все корону!
— и драгоценное зелье

Восторг за короля! Восторг за всю корону!
за даму паутинку дрожащую во сне!
За черные глаза за лошадь за поношу
и воздухом тарьши писали на стене

"Когда мой брат найдет
остаток скорбный брата
пусть он не узнает—
оттуда нет возврата

Но милый Александр! — сквозь персиким походы
и диво корабли туманят наши воды
Но есть одна стена!
Но есть одна лазейка
И мне она видна
А ты найти сумеешь-ка!"

Так сидя на столе Шенье зажаловался
Грядущего кусок внутри его дрожал
он плакал как больной. к бокалу порывался
и шумные войска бряцали за стеной

и мой кипит восторг по поводу служенья
в торжественных войсках
Ах боже боже мой!
красивые куски тягчайшего сраженья
сквозь дымы разведуду
намеренной рукой

...Меня за стол под стол
и прыгает и пляшет
хотя в одном белье
преснулся только лишь
Да вот заков поэт
не сает и не пляшет
но душу терзает
чего ты душу злишь?!

право же слово только в армии
я испытываю почтение к моей стране
и право же слово только в структуре армии
застраивает мой ум
веселятся мой мозг

Дай конить. наглядеться чинов твоих низких
и верхних
не винкая в их человеческое нутро
о дай мне
не болезнь о белом горле. не жалость англичану
скрипящих тарковских
а мощь боевых единиц
ряды к земле наклоненные
свертливую решительность общего щита

Пова армии. тигриный прыжок армии
внестят пусть из меня пиджак и рубашку
Больше не напоминайте мне о головах и очках
Бросьте дергать меня — слабость и глупость

...цепь переваливая холм
вторая цепь переваливая холм

Итак цепи исчезают во времени
лиц не видно. тем лучше
Глибokoдoбный уголь выдвинулся вперед
каменнoпoдoбные края заворачиваются
и в эту воронку попадающие селения
серуют трухлеют и сворачиваются

Так шагай по зеленой невыразимой
топчи луга полевыми кухнями
лежи в тени с серьезнейшим видом
окурай сбрасывая заботы
А в мирное время угрожай
китайской философии масс
защитой своим видом
действуй на нервы
квартируй. живи подсобным хозяйством и налогами
Армии!

Пусть майоры едят французские булочки и яичницу
по-гречески

Пусть полковники восседают в красивом штабе
генерал пусть стоит во главе стола
Пусть лейтенанты готовятся в академию

старые капитаны ругают начальство
старшина Иванов сидит на солнце
пусть зимние тучи стоят над штабом
зимнее небо озаряют прикрепленные самолеты

Будь готова идти куда угодно
Восторону вверх вниз влево и вправо
единственная чистая сила
красивая грубая сила
Армии!

Пусть генералы ходят как тигры в клетке
поглядывая на Амур
и хорошо бы берега Средиземного моря
турок бы тоже включать и греков
оставив в стороне лярку любовь и песок

Сапоги переставляя по пустыням
подкрепляясь ружьем для опоры
символ образа российского солдата
пусть не уменьшается в века

О ЧЕСТОЛОВЦЕ

Воспоем не только наблюдающего
да наблюдавший природно хорош и он наблюдает
верно.

и осуждает когда это надо. и прощает
считая умно и простиительно
всякое явление жизни
и противоборствующее
а не только цветущее рядом — он и врагов
нужными ставит —

Но воспоем действующего
хотя бы и неразумно
воспоем страстного умного мучительного
пусть искожего на ребенка немнолимого
но воспоем этого замечательного
стремящегося с глазами распахнутыми
на видящего пренебрежливый
воспоем его таинственно действующего
своими желаниями потворствующего
слабого. с фигурой красивой тонкою
среди толпы простых и беспамятных
чем он отличается
но отличается. видно
отдадим ему преимущество авантюристу
злобному даже
но заложив достойному. но подражания достойному
Осудите террориста безумного. не жалейте его
и восхищенье
Пусть сникнет от рода человеческого
тем кто содрогает семейное. государственное
чувственное

три рода существующего
а уж богово содрогать никому не возможно
но позволено на богово замахиваться

Кудри вокруг чела лилого белого
по заветам старших скульпторов
и улыбка ленивая разкая
маньякальная можно сказать загадочная
Честолюбца воспом с принадлежностями
с мужской частью его перекошенной
и графини герцогини длинноногие
и порочные. лежание и илеющие
в переносном "графини" смысле нынешнем
никого не знали и не ведали
лучше этого
то в бездну угадающего
то наверх летящего под крыльями
успокаивать его
или сдерживать
и занятие
и вообще очень сладостное

честолюбец начинает из застенчивости. Если б
мг его выхождения осветить бы и увидеть
сразу вовремя.

остается и он всегда в небрежении. этот мг
когда из тьмы общей замкнутой. Эта мысль
и этот дар
и вся страсть толпой
как бы вырвалась. бежит
личность поднята
грудь. нога и нем звод
в усть-небесное

честолюбца и конец. тоже радует
Все-то нужно для земли. и простой народ
но такое вот лицо
появляется

восприм его-себя. мы- последние
и последний. я один. и я сам себя
в воскресенье. в день настоящего августа
и до сведения довел мысль скачущей
